
В. Г. СМОЛИЦКИЙ

БЫЛИНА О ДОБРЫНЕ И ЗМЕЕ

Борьба со змеем — один из самых распространенных сюжетов мирового фольклора. Представляя собой, по словам В. Я. Проппа, «явление исторического, стадияльного характера»,¹ этот сюжет, раз возникнув, снова и снова приковывал к себе внимание слагателей эпических песен и рассказчиков сказок. Вновь и вновь создавались произведения, в которых разрабатывалась древняя змеборческая тема. Но в зависимости от времени и места у каждого народа в определенную историческую эпоху традиционный сюжет приобретал специфические черты, отражая конкретные условия и обстоятельства появления особого, в чем-то неповторимого произведения. Так, вавилонская поэма «Энум Элиш» есть, по словам Е. М. Мелетинского, не что иное, как «типичный миф творения».² В романе о Тристане и Изольде дракон не имеет самостоятельного значения; он необходим рассказчику лишь для того, чтобы полнее обрисовать доблесть, мужество, силу и благородство его победителя — Тристана. Напротив, в скандинавской эпике Фафнир, охраняющий несметные богатства, которые приносят неисчислимые беды и смерть своим обладателям, обрисован с исчерпывающей эпической полнотой.

В задачу настоящей работы не входит ни сопоставление змеборческих сюжетов у разных народов, ни выяснение их генетических родословных. Наша задача — исследование былины «Добрыня и змей», явившейся русской версией всемирно известного змеборческого сюжета. Когда и где возникла эта былина в том особенном, только ей присущем композиционном и художественном виде, в котором она дошла до нас и который делает ее самостоятельным произведением, отличным от всех остальных? Каково идейное содержание этого произведения? Вот вопросы, которым посвящено настоящее исследование.

Бой со змеем — центральный сюжет в цикле былин о Добрыне. В былине «Добрыня и змей» наиболее полно и последовательно выразились богатырская сила, мужество и удаль героя. Несомненно, что и возникла эта былина раньше, чем все известные нам былины добрынинского цикла. Тем более интересно определить время ее появления.

Основным содержанием былины являются встреча купающегося Добрыни со Змеем Горынычем и победа над ним. По композиционным особенностям все тексты можно разделить на две группы. К первой относятся в основном онежские тексты, а также один алтайский и один белозерский. Назовем эту группу онежской. В большинстве текстов этой группы До-

¹ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 205.

² Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, стр. 376.

брыня встречается со змеем дважды.³ Первый бой происходит во время купания Добрыни в реке. В результате победы богатыря враги заключают между собой договор, по которому змей обязуется не летать на Русь и не уносить в плен людей. После того как он нарушил договор и похитил племянницу князя Владимира, происходит второй бой. На этот раз, победив змея, Добрыня убивает его, освобождает похищенную княжну, а вместе с ней многочисленные «полоны».

Вторую группу, более многочисленную, чем первую, образуют тексты, записанные на Печоре, Мезени, Кулое, Пинеге, а также в Саратовской и Симбирской губерниях и в Сибири. В них Добрыня окончательно расправляется со змеем уже в первом бою. Анализ текстов этой группы, условно называемой архангельской, дает основание предполагать, что в их основе лежит схема, сходная с онежской, но полузабытая и претерпевшая поэтому много изменений. Характерно, что тексты, в которых отсутствует второй бой, как правило, представляют собой контаминированные былины.

Таким образом, несмотря на количественное преобладание архангельской группы, мы считаем, что Прионежье дает более древнюю версию, что в более древнем виде былина знала две встречи Добрыни со змеем: первую — во время купания богатыря в реке и вторую — после того как змей унес племянницу Владимира.

В системе образов былины змею принадлежит одно из самых важных мест. Это та сила, которая противостоит герою. Именно в столкновении со змеем, в победе над ним и заключается подвиг Добрыни Никитича.

Многие черты былинного Змея Горыныча роднят его со змеем сказочным. Как и в сказке, его жилище расположено где-то в пещерах, на горах сорочинских. Как и в сказке, он связан со стихиями огня и воды. Первая встреча Добрыни со змеем происходит на реке, в которой третья (или средняя) струйка как огонь сечет. Сам змей очень часто грозит сжечь Добрыню огнем. Как и в сказке, змей имеет несколько голов: 3, 6, иногда 9 или 12. Былина сохраняет и такую близкую к сказке деталь: змей знает, что ему суждено погибнуть от руки богатыря.

Для нас наиболее интересны те сказки, в которых говорится о договоре со змеем. Иногда он молчаливо предполагается, как в сказочном мотиве «освобождение царевны»: змею ежемесячно или ежегодно должна поставаться одна жертва.⁴

³ Кир., 2, стр. 23; Глф., №№ 5, 59, 64, 79, 148, 157; Тих., № 21; Соколовы, стр. 302; Сок., №№ 10, 80; Аст., II, № 148; Пар., № 54. Список сокращений в обозначении вариантов см. в конце статьи С. Н. Азбелева «Былины об отражении татарского нашествия» (стр. 180). Кроме того, в настоящей статье имеются следующие сокращения:

ММБ — материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. I, М., 1905; т. II, М., 1911.

РФ, I — Т. А. Шуб. Былины русских старожиллов низовьев реки Индигирки. Русский фольклор, I, М.—Л., 1956, стр. 221.

РФ, II — К. А. Копержинский. Былины Восточной Сибири. Русский фольклор, II, М.—Л., 1957, стр. 242—244.

Рябинин — текст, записанный от И. Г. Рябинина. Этнографическое обозрение, М., 1894, вып. IV, стр. 140.

Соколовы — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

Э. О. 1905 — Этнографическое обозрение, М., 1905, вып. IV.

⁴ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, №№ 300, 303, 502.

О договоре со змеем рассказывается в южнорусском сказании, пересказанном Ф. И. Буслаевым.⁵ Согласно ему, некий «владелец земли» заключил со змеем договор, по которому обязался выдавать ему ежегодно по юноше из каждой семьи. Через 100 лет один юноша, предназначенный на съедение, сумел с помощью Бориса и Глеба расправиться со змеем, запрячь его в плуг. Так была проведена борозда, которая и доныне зовется Змиевым Валом. Другое предание, тоже связанное со Змиевым Валом, рассказывает о договоре со змеем богатыря Никиты Кожемяки. Победенный змеем стал молить: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка. Сильней нас с тобой на свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой». Кожемяка согласился. Сделал плуг в 300 пудов, запряг змея и от самого Киева до моря пропахал борозду. Затем они стали делить море, но когда змей «въехал на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его».⁶ Предание дошло до нас уже в разрушенном виде. Что-то было забыто, что-то изменено. Поэтому действия Кожемяки в тексте Афанасьева логически не оправданы: чтобы убить повергнутого врага, не было никакой нужды заключать с ним договор, пахать межу, заводить в море. Но плохая сохранность в данном случае может служить еще одним подтверждением древности мотива боя со змеем и договора с ним.

В былине традиционный мотив договора заново переосмыслен, разработан последовательнее и глубже. Окончательная расправа с врагом мотивирована тем, что змеем нарушается клятву. И угон в плен большого количества людей, и вероломство в отношении договоров делают сказочного змея исторически достоверным образом реального врага. Не отражена ли в данном случае действительная обстановка борьбы с кочевниками?

Летопись очень красочно рисует половецкие опустошительные набеги, пленение русских людей, их страдания в половецком плену.⁷ Летописцы неоднократно описывают вероломство кочевников, нарушение ими клятв и несоблюдение договоров: «... они всегда к тебе ходяче роте, губять землю Русьскую», — говорили дружинники Владимиру Мономаху.⁸

Таким образом, традиционный сказочный змей-похититель приобретает в былине конкретные исторические черты, присущие половецким кочевникам — главному врагу южных земель в XI—XII вв. Рассказывая о нарушении змеем «заповеди великой», создатели былины, подобно летописцам и автору «Слова о полку Игореве», говорят о необходимости решительной борьбы с кочевниками, о губительности союзов с ними, тем более что союзы эти, как правило, заключались удельными князьями против русских же князей в их междуусобных распрях и битвах.

Важной чертой былинного Змея Горыныча является и то, что он — противник христианства. Недаром в первый раз Добрыня побеждает его «шапкой земли греческой» — монашеским куколем.⁹ Во втором бое со

⁵ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2. СПб., 1861, стр. 107.

⁶ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. 1. М., 1957, № 148, стр. 327—328.

⁷ Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 147.

⁸ Там же, стр. 148.

⁹ См. об этом: В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 46; М. Р. Фасмер. Шапка земли греческой. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 45—64.

змеем богатырь воссылает молитву Спасу, иногда слышит ободряющий «глас с неба».

О былинном змее как враге христианства писалось уже неоднократно. Предположение, что в облике змея нашли свое отражение черты реального врага, именно половцев, нисколько не противоречит этому. Ведь и половцы постоянно рассматривались в древней Руси как враги христианства. Летописец, киево-печерский монах, после разграбления половцами Киево-Печерского монастыря называет их безбожными, беззаконными, погаными.¹⁰ Борьба с половцами считалась делом богоугодным, и поэтому в облике «нехрестя» змея могли сочетаться конкретные черты «поганых» врагов и аллегорические черты дьявола, врага христианства. Владимир Мономах в речи своей говорил по поводу победы над половцами: «... господь избавил ны есть от враг наших и покори враги наша и „скруши главы змиевья, и дал еси брашно людем“ русьским».¹¹

Змей в качестве символа внешнего врага изображен в Радзивилловской летописи на л. 155, где рассказывается о победе над половцами на реке Сальница в 1112 г.¹²

Торжество новой религии, нового мировоззрения ознаменовано в былине не только победой богатыря над непримиримым врагом. Торжество новых взглядов мы видим и в конфликте матери с сыном, который намечается уже в завязке: мать предостерегает сына от купания в Пучай-реке, Добрыня нарушает запреты матери и тем не менее в конце концов выходит из всех испытаний победителем.

Этот сам по себе традиционный поэтический прием несет в былине большую идейную нагрузку. Мы знаем множество произведений, созданных с позиций «отцов» и рисующих страшные последствия того, что сын не послушался родителей. В былине «Добрыня и змей» сын не послушался матери, но, преодолев опасности, о которых она его предупреждала, тем самым одерживает моральную победу над ней, доказав несостоятельность ее опасений.

Образы матерей мы находим в самых различных былинах. Все они, как правило, мудрые «честные вдовы», почти все они отговаривают сыновей от того поступка, который им обязательно впоследствии предстоит совершить. Мать Добрыни в былине «Добрыня и Маринка» не советует сыну идти на Маринкину улицу; мать Василия Буслаева не пускает его на бой с новгородцами; мать Дюка Степановича отговаривает свое «чадо» от поездки в Киев; мать Скопина «не велит», «не приказывает» князю Михайле Васильевичу ходить на пир к Воротынскому.

Мать — очень часто один из главных персонажей былин. Отцы встречаются гораздо реже, причем в большинстве случаев они появляются в самом начале: былина сообщает, что отец прожил 90 лет и умер, оставив «чадо малое». Авторитет главы семьи, воспитание малолетнего сына переходят к матери богатыря, которая может благословить на подвиг и не благословить, может посоветовать, отсоветовать и помочь.

В сказках, напротив, гораздо чаще мы встречаем отца, чем мать. Царь-отец посылает своих сыновей на поиски пропавшей дочери, отец-крестьянин велит сторожить поле и т. д. Такое различие между сказкой и былиной вполне объяснимо. Оно свидетельствует о большей древности сказки, уходящей своими корнями в родовую строй с непререкаемым авторитетом главы рода, патриарха, отца. Очень часто в сказках повто-

¹⁰ ПСРЛ, т. I, М., 1962, стр. 232—233.

¹¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 185.

¹² Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись (фотомеханическое воспроизведение рукописи). 1902, л. 155,

руется одна и та же коллизия: отец отдает приказание, сын выполняет.

Былина как жанр возникает на заре государственности, когда родовой авторитет отца вынужден уступить место государственному авторитету князя, царя. Подвиг былинного богатыря совершается всегда в интересах государства, и послать на такой подвиг может только глава государства (иногда герой, сознавая государственные интересы, сам отправляется на борьбу с врагом).

Вместе с тем мировоззрение и психология эпохи феодализма не представляли возможности полнокровной, полноценной общественной деятельности сына при живом отце. Этому мешал институт наследования не только движимого и недвижимого имущества, но и «чиновной чести». Даже в более позднее время «в массе источников видим указания на важность для людей их отчества; государи обещают жаловать по отчеству, и действительно, жалование дается по отчеству, в чины людей производят по отчеству. Соблюдение отчества — вещь до того обязательная, что в поучениях царям им рекомендуется жаловать бояр и других лиц по отчеству, что и исполняется».¹³

И как в действительности сын часто наследовал должность отца, так и в былине он начинает свою деятельность или после смерти родителя, или, в крайнем случае, после того, как отец уходит в монастырь. Поэтому авторитет семьи в былине, как правило, представляют женщины. А отца нет, потому что если бы он был, ему бы и пристало быть героем произведения. В мировом фольклоре существует сюжет, в котором одновременно действуют богатырь-отец и богатырь-сын. Такая ситуация неизбежно должна была привести их к столкновению. Русский вариант этого мирового сюжета — былина о бое Ильи Муромца с сыном.

Итак, образ матери до некоторой степени традиционен в былине, до некоторой степени превратился в общее место, кочующее из одной былины в другую. Мы говорим «до некоторой степени», потому что если приглядеться к каждой отдельно взятой былине, то кроме общих черт станут видны и специфические, особенные черты, которые находятся в тесной связи с идейным содержанием каждого произведения.

Добрынина мать в различных былинах выглядит по-разному. В былине «Добрыня и Маринка» она волшебница. Ее сила доброй колдуньи оказывается сильнее злой чародейницы Маринки. Но в отличие от былины «Добрыня и змей» здесь мать побеждает не только Маринку, но одерживает моральную победу и над сыном, который не послушался матери и попал в беду, выбраться из которой он смог только с ее помощью.

В былине «Добрыня и змей» спор матери с сыном в завязке — это столкновение двух мировоззрений и всем сюжетом произведения, всей композицией проводится мысль о победе нового над старым.

Мать — носительница определенного уклада и выражает определенное отношение к действительности. Она обладает каким-то вещим знанием и связана со сверхъестественными силами. Ей известна страшная тайна Пучай-реки, показавшейся Добрыне вначале лужей. У нее дар предвидения, она знает, что Добрыня будет купаться в огненной реке и встретится со змеем.¹⁴ Вполне понятны ее материнская забота о сыне и стремление не допустить этой встречи. Она не только многое знает, но и многое умеет. Ее волшебные подарки должны помочь Добрыне в бою. Чаще всего

¹³ А. И. Маркевич. История местничества в московском государстве в XV—XVII веках. Одесса, 1888, стр. 150.

¹⁴ «Мать-то его волшебница, не отпускает его, как он не в летах. Она знает, что с ним будет», — объясняла восточносибирская сказительница Акулина Ивановна Моисеева при исполнении былины «Добрыня Никитич и змеище Тугарыще» (РФ, IIа).

это плеточка, реже — конь или платок, при помощи которых богатырь добывается победы. Вещая сила матери не согласуется с христианскими представлениями. Ее знания и подарки похожи на то, что монах-летописец назвал бы «чародейскими волхованиями».

Наказ матери не купаться обязателен во всех мало-мальски исправных текстах. Это купание Добрыни в Пучай-реке, близкой по звучанию с Почайной, в которой по преданию крестились киевляне, не случайность. Вслед за В. Ф. Миллером мы тоже склонны видеть в образе купающегося Добрыни отголоски народных припоминаний о роли одноименного исторического лица в крещении Руси. «В самом деле, — писал В. Ф. Миллер, — что должно было представляться самым ярким и бросающимся в глаза признаком крещения для народной массы, усвояющей только внешнюю обрядность христианства! Конечно, погружение в воду, купание».¹⁵ Это замечание ученого, отмечая внешнюю сторону обряда как главную для основной массы новокрещенных русских, подчеркивает двоеверный характер религиозных представлений первых русских христиан, так как сама христианская обрядность воспринималась как некое новое магическое действие, противопоставленное старым, языческим. В запрете матери купаться в Пучай-реке отразилось ее недоверчивое отношение к новому, христианскому обряду. Ее опасения не были совсем необоснованными: купаясь, Добрыня навлек на себя гнев змея, но уничтожив его, он тем самым оказался не только победителем этого страшного врага, но и победителем старых «предрассудков» матери.

Кроме подарков матери, волшебных платка и плетки, функции чудесного помощника во втором бою выполняют «молитва Спасу» или «глас с неба».¹⁶ За исключением алтайского текста, где отсутствуют волшебные предметы и Добрыня одерживает окончательную победу исключительно благодаря молитве Спасу, во всех остальных текстах христианские мотивы уживаются с волшебными подарками матери, которые несомненно носят на себе отпечаток языческих верований. Вспоминая христианские мотивы первой части — «шапку земли греческой», купание в Пучай-реке, мы имеем все основания считать, что и второй части былины свойствен определенный религиозный налет с самого начала. Мы склонны думать, что «соседство двух сверхъестественных сил — подарков матери и христианского бога — является характерной чертой былины с самого ее возникновения, что в этом отразился двоеверный характер древнерусского мировоззрения.

Победа Добрыни над змеем свидетельствует о его мужестве, силе и ловкости. Вместе с тем она свидетельствует о превосходстве христианина над «поганым». Недаром герою помогают куколь и молитва. Но христианские аксессуары в былине не превращают воина и богатыря ни в святошу, ни в монаха. Его подвиг — это ратный подвиг. Черты христианства лишь дополняют облик героя, не вступая в противоречие с его воинскими доблестями. Это была эпоха, когда даже святые на иконах зачастую выглядели настоящими «храбрами», стоит вспомнить изображения Бориса и Глеба, Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского.

Борьба старого и нового выступает в былине в самых различных планах: это и открытый непримиримый бой богатыря со смертельным врагом, это и противоречие между любящими друг друга сыном и матерью.

¹⁵ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 44.

¹⁶ Тих., № 21; Глф., №№ 5, 59, 148; Э.О. 1905, № 4; Соколовы, стр. 302; Пар., № 54.

Мать Добрыни — добрая советчица и помощница, без нее, так или иначе, не обходится ни одно дело, предпринятое Добрыней. Этот образ как бы олицетворяет семейное начало, отражает еще не порванную связь древнерусского человека с родом, зависимость его от рода. В нашей былине это семейное начало представлено в виде доброй силы, не враждебной человеку и тем не менее пасующей и отступающей на второй план перед началом государственным. Добрыня отправляется на подвиг вопреки воле матери, но нарушение запрета не влечет за собой наказания, а, наоборот, нарушитель оказывается победителем. Самый же подвиг носит уже не семейный, а общегосударственный характер. В сказке богатырь, как правило, спасает от змея близких ему лиц: это или сестра его, или жена, или невеста. В былине Добрыня освобождает дочь или племянницу своего правителя, с которым его соединяют не родственные, а общественные узы, и, чтобы еще больше подчеркнуть не семейный, а государственный характер подвига, былина рассказывает об отказе героя от руки спасенной им княжны. Былина не останавливается и на этом. Вместе с княжной Добрыня освобождает многочисленные русские «полоны» — деталь, неизвестная сказке и не оставляющая сомнений, что перед нами герой народный, для которого личные интересы отходят на второй план.

В былине «Добрыня и змей» главный герой еще очень молод. «Молодой», «молоденькой», «млад» — постоянные эпитеты при его имени в подавляющем большинстве текстов, независимо от места их записи. Бой со змеем — первое приключение, после того как Добрыня покинул родительский дом. Вместе с тем Добрыня выглядит более независимым, чем другие былинные герои. Прежде всего следует отвергнуть какие бы то ни было родственные связи былинного Добрыни с былинным князем Владимиром. Указание В. Ф. Миллера на то, что Добрыня якобы является племянником Владимира, материалом былин не подтверждается.

Образ князя вообще исключительно бледен и невыразителен в этой былине. В первой ее половине он, как правило, не упоминается вовсе. Исключения составляют или тексты, явно испорченные в этом месте, или эпизоды, представляющие отклонения от основной схемы былины.¹⁷ Во второй части Владимир упоминается как отец, дядя или муж пленницы змея. Таким образом, роль Владимира в сюжете былины «Добрыня и змей» сводится к роли сказочного царя, у которого крадут дочь, и, как правило, после этого о нем забывают до финала, когда похищенная возвращается в отчий дом.

Развитие былинного жанра шло рука об руку с процессом развития и укрепления русской государственности, в частности отражая изменения во взаимоотношениях князя-господина и дружинника-слуги. В былине «Добрыня и змей» фигура князя только намечена пунктиром. Она знаменует собой победу государственного начала над семейным, но еще не получила своего полного развития, как в других, более поздних былинах (например, в былинах о Василии Казимировиче, Дунае). Не похожий на «верных слуг» абсолютного монарха, вольного казнить и миловать своих подданных, Добрыня скорее напоминает раннефеодального дружинника, более независимого от своего князя, чем служилые люди впоследствии.

По наблюдениям М. Дьяконова, «как свободно устанавливались отношения между князьями и их дружинниками, так же свободно могли и прекращаться по усмотрению стороны. Имеется ряд указаний, что часть дружины или даже вся целиком по тем или иным причинам покидала своего

¹⁷ Рбн., № 193; Глф., № 93; Тих., № 21; Мрк., №№ 5, 73; ММБ, I, № 12; Грг., I, № 52.

князя».¹⁸ Былина «Добрыня и змей» отразила тот период, когда еще сохранились следы «военной демократии», и поэтому положение воина-дружинника было менее зависимым от князя, чем в более поздние времена.

Почти во всех текстах Добрыня, отправляясь на подвиг, едет на Пучай-реку. Исследователи связывают это название с киевской рекой Почайной. Такое сопоставление вполне закономерно. Почайна, приток Днепра, была тесно связана с жизнью Киева. Она протекала по восточной окраине Подола. По мнению киевских краеведов, «устье ее представляло собою как бы залив Днепра, весьма удобный для судоходной пристани... она была всегда наполнена большими и малыми судами, проходившими по Днепру».¹⁹ М. А. Максимович считает, что на берегу Почайны находилась Божница или церковь Турова, в которой в 1146 г. происходило народное вече.²⁰

В былине Пучай-река теряет свою реальность, как река, протекающая в Киеве. Она — обиталище змея. Чтобы искупаться в ней, Добрыне надо покинуть родной дом и отправиться в далекое путешествие. Для киевлянина такое представление о Почайне, Пучай-реке просто невозможно. Поэтому следует предположить, что былинку сложили люди, которые что-то слышали о реке Почайне, сознавали какую-то связь ее с Киевом, но ясно представить себе ее географическое местоположение не могли.

Таким образом, наличие в былине Пучай-реки является, на наш взгляд, косвенным свидетельством того, что былина сложена не в столице древнерусского государства.

Весьма возможно, что в первоначальном виде в былине даже не было упоминания Киева как родины или места жительства Добрыни. Во всяком случае в сюжет былины «Добрыня и змей» Киев не входит органически. В то же время нельзя представить без Киева былины об Илье Муромце, который едет из Муромы в древнерусскую столицу, защищает ее, ссорится с князем Владимиром, пирует с голями кабацкими и стреляет из лука по главам киевских церквей. Нельзя представить без Киева былинку об Алеше Поповиче, который едет в этот город в то время, когда там хозяйничает Тугарин. В былинах о Добрыне и Алеше, Добрыне и Маринке действие происходит на улицах Киева, в княжеском тереме; былины о Василии Казимировиче, Дунае, Ставре, Сухмане начинаются с обязательного пира в Киеве. В былине «Добрыня и змей» Киев не играет такой роли, как в только что перечисленных былинах.

Многие тексты вовсе не указывают, где родился и живет богатырь.²¹

Киев, как правило, является местом жительства Добрыни в текстах, контаминированных с былиной «Добрыня и Алеша», сюжет которой развертывается в этом городе. В других случаях Киев встречается при перенесении сюда из других былин зачина с мотивом пира у Владимира. Единственное, органически присущее сюжету о Добрыне и змее упоминание Киева относится к тому месту, в котором рассказывается, что змей унес из Киева племянницу Владимира.

Вообще в данной былине географические приурочения намного слабее, чем в других. В этом близость данного сюжета к сказке, герой которой живет обычно в «тридевятом царстве, тридесютом государстве».

¹⁸ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910, стр. 92.

¹⁹ П. Л.—в. О местности реки Почайны, Киевская старина, Киев, 1884, октябрь, стр. 253.

²⁰ М. А. Максимович, Собрание сочинений, т. II, Киев, 1877, стр. 43.

²¹ Кир., 7, стр. 10; Глф., №№ 123, 191, 241, 289; Грг., I, №№ 114, 213, 269; Э. О. 1905, №№ 2, 3; Аст., I, №№ 23, 60, прил. 3; РФ, IIa; РФ, IIб.

В отличие от сказочного молодца Добрыня уже связан с определенным местом. Он — русский богатырь, который спасает племянницу князя Владимира. Но в сравнении с другими былинами его прикрепление к определенному месту менее четко и строго.

Стремясь установить исторические корни былины «Добрыня и змей», ее героя чаще всего сопоставляют с летописным Добрыней, дядей князя Владимира Святославовича. Такое сопоставление давно уже превратилось в общее место в научной литературе.

К каким же выводам может привести анализ летописного материала? Все летописные повести, рассказывающие о Добрыне, так или иначе связаны с Новгородом. Очевидно, здесь эти повести и возникли.

Сходство летописного Добрыни с былинным не ограничивается собственным именем. В двух летописных преданиях Добрыня выступает как насадитель языческой веры и защитник болгар — иноверцев, нехристиан. Сразу приходит на память, что и былинный Добрыня Никитич был «крестовым братцем» поганого Змея Горыныча. Нет ли здесь какой-нибудь генетической связи между летописью и былиной? Нам кажется весьма вероятным, что в последующие века действительная деятельность Добрыни — установление им кумиров над Волховом, активное участие в мирных переговорах с неверными магометанами — могла дать повод к появлению рассказов о связи новгородского воеводы со всякого рода «нехристью». А эти рассказы могли в свою очередь повлиять на былинку, на ее сюжет о побратимстве Добрыни со змеем. И подобно тому как воевода Добрыня, поставивший кумир Перуна над Волховом, через несколько лет этот кумир уничтожил, так и Добрыня Никитич во второй части былины вступает со Змеем Горынычем в борьбу не на жизнь, а на смерть и в конце концов уничтожает врага. Это сопоставление не покажется большой натяжкой, если мы вспомним, что в последующие века сам Перун представлялся как некая «змеюка».

Мы ни на минуту не забываем, что между летописью и былиной «дистанция огромного размера», что ни в коем случае нельзя рассматривать борьбу былинного Добрыни как некую аллегорию событий, отраженных в летописи, но устные предания, нашедшие свое отражение в летописи, могли быть (и были) плодородной почвой, на которой традиционный сюжет о змеборчестве превратился в конкретную былинку о Добрыне и змее.

Предания о Добрыне бытовали в Новгороде с древнейших времен до XVII—XVIII вв. Былина, сложившаяся в XI—XII вв., существовала независимо от этих преданий. Генетически как-то связанные между собой, былина и предания в дальнейшем жили параллельно, не исключая и не исчерпывая друг друга. Используя в какой-то степени в своем сюжете новгородские предания, былина несомненно сразу же вышла из рамок новгородской действительности.

Но связь былины с новгородскими преданиями еще не означает, что возникла она впервые в Новгороде. Некоторые былины называют местом рождения Добрыни Рязань. В этих случаях текст имеет следующий зачин:

А ишше прежде Рязань да слободой слыла,
А да и нонче Рязань да словет городом.

(Онч., № 59; Грг., III, № 38 и др.)

Так начинаются многие былины архангельской группы, но такое вступление совершенно отсутствует в онежских былинах. И снова приходится отдать предпочтение Прионежью. Сразу за словами о Рязани расска-

зывается об отце Добрыни Никитича Никите Романовиче. Существуют тексты, которые сразу начинаются с упоминания Никиты Романовича без вступления о Рязани, но нет ни одного случая, чтобы было вступление о Рязани и не было бы рассказа об отце Добрыни.²² Это наводит на мысль, что обе части вступления надо рассматривать как единое нерасторжимое целое. Упоминания о Рязани и Никите Романовиче появились в составе нашей былины одновременно. Но образ Никиты Романовича, очень популярный в песнях об Иване Грозном, не мог появиться ранее конца XVI—начала XVII в. Надо предполагать, что отчество Добрыни Никитича дало повод отождествить отца богатыря с шурином Ивана Грозного. Но это могло произойти не ранее XVII в. Следовательно, во времена своего возникновения былина «Добрыня и змей» не могла иметь такого вступления, так как возникла она несомненно ранее XVII в.

Вероятнее всего, вступление о Рязани и Никите Романовиче попало в былинку о Добрыне и змее из былины о бое Добрыни с Ильей Муромцем; недаром в большинстве случаев мы встречаем анализируемый нами отрывок в тех местах, где бытует эта очень редкая былина несомненно позднего происхождения, как правило, начинающаяся всегда со вступления о Рязани и Никите Романовиче.

Было ли у былины «Добрыня и змей» какое-то другое вступление на месте более позднего о Рязани, неизвестно. Возможно, она начиналась подобно тому, как начинал былинку Т. Р. Рябинин:

Да й спородила Добрыню родна матушка,
Да возростила до полного до возраста.

(Глф., № 59)

Нет ничего невероятного в том, что былина начиналась прямо с действия — прощания Добрыни с матерью, как в большинстве онежских былин.

Несмотря на то что слова о Рязани-городе и Рязани-слободе всегда встречаются вместе с упоминанием о Никите Романовиче, есть серьезные соображения, заставляющие предполагать, что обе части зачина имеют разную предысторию.

Почему Рязань оказалась тесно связанной с именем Никиты Романовича? На территории Рязанской земли, по свидетельству М. Я. Кожевникова,²³ Романовым принадлежали города Пронск и Острожок, но нет совершенно никаких данных о владениях Романовых ни в Старой Рязани, ни в Переяславле Рязанском (современная Рязань). Следует думать, что их там и не было. Связующим звеном между городом и Никитой Романовичем, заставившим оба имени встретиться в одном зачине, был Добрыня Никитич. Его отчество дало повод увидеть в Никите Романовиче его отца... С другой стороны, было известно его рязанское происхождение. В результате в Рязани был поселен Никита Романович.

В настоящее время мы не располагаем достаточным материалом, чтобы окончательно решить вопрос о месте возникновения былины. Упо-

²² В некоторых текстах во вступлении и рассказе о Никите Романовиче — отце Добрыни фигурируют другие города. Надо предполагать, что это еще более поздние напластования, появившиеся у певцов, забывших Рязань и поэтому заменивших этот город на близкий по звучанию — Казань или по отчеству отца Добрыни — Романов, а иногда на традиционный былинный Киев.

²³ М. Я. Кожевников. Земельные владения дома Романовых в XVI и XVII столетиях. СПб., 1913, приложение (карта).

минание рязанского происхождения Добрыни — как в летописи,²⁴ так и в некоторых былинных текстах — дает основание для предположений, что былина возникла в пределах Рязанской земли.

Как известно, в последние 100—150 лет на территории центральной России былины уже не поются. Тем не менее существуют глухие известия о бытовании на Рязанской земле преданий о богатырях;²⁵ более того, известны рязанские предания, упоминающие имя Добрыни.²⁶ Среди этого крайне скудного материала мы не найдем ничего, сходного с сюжетом былины о бое Добрыни со змеем. Поэтому все эти предания могут служить лишь доказательством того, что Рязанская земля знала богатыря Добрыню. Нужны дальнейшие поиски и исследования, которые либо подтвердят наше предположение, либо окончательно его опровергнут.

Тем не менее уже сейчас можно высказать некоторые предварительные соображения в защиту нашей гипотезы.

Былина о Добрыне и змее, отразившая борьбу с кочевниками, скорее всего могла быть сложена не в северной, а в южной Руси, т. е. в областях, где борьба с кочевыми племенами была наиболее активной. Рязанская земля, расположенная на границе Руси с половецкой степью, на всем протяжении XI—XII вв. находилась под угрозой нападения. «Во время набегов, — пишет А. Л. Монгайт, — кочевники проникали далеко в глубь рязанской территории. Недаром безлесный участок на Проне даже получил название „поля половецкого“». ²⁷ Половцы находились постоянно в орбите политики рязанских князей. «Зажатые между степью и могущественным соседом с севера (Ростово-Суздальским княжеством, — В. С.), они (рязанские князья, — В. С.) то искали поддержку у половцев, то выступали против них в союзе с северо-восточными князьями». ²⁸

И другая тема былины, тема борьбы с язычеством, в Рязанской земле не теряла своей актуальности очень долгое время. Находясь на окраине русской территории, Муромо-Рязанская земля на протяжении XI—XII вв. была объектом «миссионерской» деятельности русских князей. Первым князем-христианином здесь был Глеб Владимирович, прибывший сюда, согласно Д. Иловайскому, в 1010 г. ²⁹ После его смерти «христианство должно было еще в продолжение целого столетия выдерживать здесь борьбу с языческою партией, прежде нежели могло провозгласить победу на своей стороне». ³⁰ В этих условиях создание былины с отразившимися в ней элементами двоеверия представляется нам весьма вероятным.

Политической истории Рязанского княжества была присуща черта, также, на наш взгляд, нашедшая отражение в былине. По наблюдению А. Л. Монгайта, в Рязани «так и не возникла сильная княжеская

²⁴ См. Никоновскую летопись (ПСРЛ, т. X, стр. 92), а также «Сказание о киевских богатырях» в кн.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. М.—Л., 1960, стр. 152, 155, 157.

²⁵ См.: И. Любомиров. Местногеографические древности в Рязанской губернии. Прибавления к Рязанским Епархиальным ведомостям, 1874, 1 августа, 1 сентября, 1 июля; Материалы для составления археологической карты Рязанской губернии, 1888. Рязанский областной архив, ф. 869 (Рязанская губернская ученая комиссия), оп. 1, связка 5, дело № 8, пункт 3; дело № 9, пункт 3; А. А. Мансуров. Описание рукописей Этнологического общества исследователей Рязанского края, вып. 3. Рязань, 1930, стр. 24.

²⁶ А. А. Мансуров. Описание рукописей..., вып. 2, Рязань, 1929, стр. 16, № 139 (легенда о Добрыне на острове, Касимовский уезд).

²⁷ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 337.

²⁸ Там же.

²⁹ Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 15.

³⁰ Там же, стр. 16.

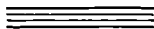
власть».³¹ Летопись неоднократно упоминает «муромцев» и «рязанцев» — представителей местной знати, в состав которой входили бояре и «мужи», — решавших судьбу рязанских князей. «Князья очень вынуждены были считаться с теми, кого летописец называет „рязанцами“, и действовали последние очень самостоятельно».³² Выше мы указывали на слабую конкретизацию образа князя, на его незначительную роль в развитии действия былины. Не нашла ли здесь свое отражение особенность политической истории Рязанской земли?

Как мы отлично понимаем, приведенные нами соображения свидетельствуют лишь о том, что исторические факты не противоречат нашей гипотезе, а это само по себе не является полновесным доказательством. Они заставляют, на наш взгляд, лишь более внимательно отнестись к версии рязанского происхождения былины.

Но такая версия приходит в противоречие с нашим же утверждением о связи между героем былины «Добрыня и змей» и героем новгородских преданий воеводой Добрыней, дядей князя Владимира. Не может ли в данном случае пролить свет на историю и место возникновения былины следующий исторический факт? По сообщению летописи, Ярослав за что-то «разгневался» на сына Добрыни Константина, новгородского посадника, которого он «поточи ... в Ростов; и на третье лето повеле его убить в Муроме на реце Оке».³³ Итак, сын Добрыни Константин умер в Муромо-Рязанской земле. Крупный феодал, он прибыл туда скорее всего не один, а с некоторой свитой. Не были ли они, «люди» Константина Добрынича, распространителями преданий о Добрыне, послуживших поводом для прикрепления к традиционному змееборческому сюжету имени новгородского посадника и некоторых деталей, напоминающих его судьбу?³⁴

На Рязанской почве сюжеты новгородских преданий должны были приобрести некоторую «экзотичность», так что созданная на основе этих преданий былина уже очень отдаленно и очень в общей форме напоминала свой прототип.

Дальнейшая история этой былины рисуется нам в следующем виде: возникшая на Рязанской земле, она вошла в общерусский фольклор как песня о рязанском герое. Это нашло свое отражение в общерусском летописании в прозвище Добрыни — «Рязанич».

³¹ А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 344.

³² Там же, стр. 345.

³³ ПСРЛ, т. V, стр. 134.

³⁴ Предположение о том, что предания о Добрыне попали на Рязанскую землю через посредство Константина Добрынича было сделано уже Н. П. Сидоровым: «Не перешла ли вместе с Константином Добрыничем и сага о Добрыне на Оку-реку, в Муромо-Рязанский край, сделав эпического Добрыню „рязанцем“?» (Н. П. Сидоров. Заметка к былинам о Добрыне-Змееборце. В сб.: Памяти П. Н. Сакулина, М., 1931, стр. 261).